

ГОНОНЕКЪ

Иллюстрированное Обзорѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 17

Суббота, 1 (14) мая 1904 г.

№ 17

Мичманъ А. К. Окуневъ,
погибшій на „Петропавловскѣ“.

Командиръ миноносца „Ръшительный“,
Капитанъ 2-го ранга А. А. Корниловъ,
скончавшійся въ лазаретѣ въ Харькѣ,
20-го апрѣля.

Мичманъ Л. J. Лепешкинъ,
погибшій на „Петропавловскѣ“.

Лиллипутъ въ плѣну у великановъ.

Роспроизводителъ рисунки, помѣщены: въ англійскомъ журналѣ „London News“ и дословный переводъ англійскихъ подписей.

Великанъ въ плѣну у лиллипутовъ.

Просвѣщенный Сергій о современной Японіи.

Пятивѣтній ректоръ с. петербургской академіи, епископъ ямбургскій, долго жилъ въ Японіи. Его взглядъ на Японію, высказанный нашему сотруднику, въ виду текущихъ событій представляеть интересъ.

— Населеніе Японіи представляеть собою хорошо сплоченную, однородную и потому всегда солидарную массу. Въ Японіи нѣтъ раздѣленія на народности, какъ это наблюдается въ большинствѣ европейскихъ государствъ, гдѣ каждая провинція имѣеть свои особенности; въ Японіи на всемъ ея протяженіи народъ говоритъ однимъ нарѣчіемъ, имѣеть одинъ и тѣ же обычаи, и въ этомъ большая сила Японіи—она никогда не рискуеть распастись.

Большую роль въ этомъ отношеніи играетъ еще и то обстоятельство, что у каждого айонца сильно развитъ духъ націонализма, духъ государственности; японское слово—чтить микодо въ размѣрѣ десяти единицъ, а уже за тѣмъ Бога—въ размѣрѣ девяти единицъ, т. е. на одну десятую микодо выше Бога.

Микодо, императоръ,—есть олицетвореніе японской государственности, и всякій айонецъ считаетъ своимъ долгомъ и обязанностью пожертвовать для микодо, а следовательно, и для государства, все, что онъ имѣеть, не исключая и жизни; поэтому никакой айонецъ не передъ тѣмъ не оставится при исполненіи возложеннаго на него порученія и скорѣе предпочтетъ умереть, нежели не исполнить его. Въ этомъ случаѣ онъ считаетъ пригодными все средства.

Поватія айонецъ въ этомъ отношеніи слишкомъ своеобразенъ, и по этимъ даннымъ въ войнѣ надо смотрѣть на айонца, какъ на чрезвычайнаго опаснаго противника.

Къ этому надо еще прибавить японскую методичность и настойчивость, граничащую съ упрямствомъ въ исполненіи разъ намѣченной цѣли.

Въ печати айонцевъ обвиняють въ шпионствѣ.

Это обвиненіе имѣеть за собою достаточно прочныя основанія: айонецъ по натурѣ шпионъ, согладаясь. Въ этомъ отношеніи съ нами едва ли кто-либо можетъ поспорить. Поэтому въ Японіи замѣчательно поставлена полиція, особенно сыскная часть; отъ японскаго полицейскаго сыщика ничто не ускользаетъ; онъ все прослѣдитъ, все отыщетъ.

Вообще же айонцы отличаются сообразительностью и способностью быстро переимать и усваивать всякія нововведенія. Благодаря этой способности, Японія въ данное время принимаетъ уже все европейскія изобрѣтенія.

Открывъ двери европейской цивилизаціи, айонцы вмѣстѣ съ нею начали считать признакомъ культуры и христіанскую религію, которая съ этого времени начала быстро развиваться въ Японіи, гдѣ теперь насчитывается свыше ста тысячъ христіанъ.

Въ Японіи также очень много и буддистовъ, но этотъ культъ все больше и больше теряетъ свою популярность.

Пока Японія не позавидовала европейской цивилизаціи, она старалась подражать Китаю, и въ этомъ отношеніи дошла до того, что стала представлять точную его копию. Въ то же время сильно распространился буддизмъ и ученіе Конъ цзія; но теперь европейское вліяніе совершенно вытѣсняетъ китайское, и буддизмъ падаетъ, а нарождается христіанство и ста; ая японская религія Синто, которая теперь представляеть государственную религію.

Скорѣе это даже не религія а почитаніе удержанныхъ отечественныхъ героевъ и микодо,

въ честь которыхъ строятся многочисленные храмы, изъ которыхъ большую популярность пользуются такъ называемые инари, т. е. храмы лисицы.

Ипонцы, какъ народъ разсудительный, съ аналитическимъ складомъ ума, отбывая европейскій цивилизаціи, давно уже отнеслись критически къ своей религіи и фактически просто уже ни во что не вѣрятъ, или ищуть новыхъ формъ и обращаются въ христіанство.

Такимъ образомъ, русская православная миссія теперь уже имѣеть 28 тысячъ христіанъ, католическая 55 тысячъ и все протестантскія, англиканская и друг.—40 тысячъ чело-вѣкъ.

По количеству миссіонеровъ первое мѣсто занимають протестантскія исповѣданія, имѣющія около 600 чело-вѣкъ миссіонеровъ, изъ которыхъ только англиканская имѣеть 5 епископовъ.

За тѣмъ слѣдуетъ католическая съ 400 миссіонеровъ и, наконецъ, православная русская съ однимъ только русскимъ миссіонеромъ, епископомъ Николаемъ. Такимъ образомъ, въ процентномъ отношеніи русскіе миссіонеры имѣють больше послѣдователей, чѣмъ другіе. Объясняется это тѣмъ, что русская миссія поставила религію на почву японской національности: богослуженіе, проповѣди, обученіе производится исключительно на японскомъ языкѣ. Въ перхвахъ во время богослуженія въ молитвахъ упоминаеть микодо. Все духовенство миссіи—японцы, они же и катихизаторы, обучающіе не-религозъ христіанскому ученію.

Обращенія въ христіанство обычно бивають черезъ знакомства, иногда же (особенно въ мѣстахъ новыхъ, гдѣ не было раньше христіанства) прибѣгають къ публичной проповѣди.

Въ послѣднемъ случаѣ миссіонеръ, прибѣвая въ какой-нибудь новый городъ, занимаетъ залъ, печатаетъ и расклеиваетъ афиши о томъ, что тамъ-то, въ такое-то время будетъ такая-то проповѣдь.

Заинтересовавшимся проповѣдью айонцамъ даютъ адресъ проповѣдника или катихизатора, который подготовляетъ ихъ къ крещенію.

Правительство противъ распространенія христіанства ничего не имѣеть и только требуетъ, чтобы при публичныхъ проповѣдяхъ объ этомъ извѣщались мѣстныя власти.

Русская миссія, т. е. центръ ея, находится въ Токио, гдѣ живетъ русскій епископъ Николай и помѣщается большой соборъ. Отъ уаиды миссіи со всехъ сторонъ отдѣляются ажурной желѣзной рѣшеткой на каменномъ основаніи; ворота ея постоянно открыты и даютъ возможность сквозного прохода черезъ дворъ, который всегда наполненъ айонцами. Соборъ также открытъ постоянно и доступенъ во всякое время всемъ желающимъ.

Начальникъ миссіи епископъ Николай и теперь находится въ Токио. Послѣ того, какъ произошелъ политическій разрывъ между Россіей и Японіей, положеніе епископа стало не совсемъ удобнымъ, и потому онъ, созвавъ христіанъ-айонцевъ, просилъ сказать ему, не считають-ли они нужнымъ, чтобы онъ уѣхалъ изъ Японіи. Собраннымъ для обсужденія этого вопроса, айонцы рѣшили просить епископа не уѣзжать изъ Японіи и съ этой просьбой послали къ нему депутацію, а съ тѣмъ вмѣстѣ просьбу своему министру внутреннихъ дѣлъ, чтобы епископъ и миссія во время войны были охранены отъ всякихъ случайностей.

Министръ обѣщалъ дать охрану миссіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалъ, чтобы епископъ съ своей стороны не подавалъ поводовъ къ

возмущенію и, между прочимъ, не совершалъ богослуженія въ соборѣ, гдѣ всегда биваетъ много айонцевъ-язычниковъ.

Въ самомъ Токио живетъ православныхъ айонцевъ около 3 тысячъ чело-вѣкъ.

Какъ уже сказано, японское правительство не преслѣдуетъ христіанской религіи; но еще сравнительно недавно всѣхъ христіанъ преслѣдовали, и подозрѣваемыхъ, испытывавъ, заставляя становиться на иконы, которая съ этою цѣлью имѣлись въ полиціи. Въ одномъ музѣ въ Токио имѣется рельефная металлическая икона въ широкой рамѣ, бока которой сильно стерты ногами подозрѣваемыхъ въ христіанствѣ.

Какъ и все другіе народы, айонцы въ отношеніи суевѣрія не составляютъ исключенія, и у нихъ есть множество злыхъ и добрыхъ духовъ.

Изъ религіозныхъ обрядовъ айонцевъ самымъ торжественнымъ надо считать обрядъ погребенія, который совершается съ большой пышностью. Могила своихъ близкихъ айонцы тщательно оберегають и украшають.

Обрядъ бракосочетанія не имѣеть религіозной формы; бракъ айонцевъ скорѣе гражданскій договоръ.

Духовенство, буддискіе боны, находятся въ большомъ преенебреженіи, но чиновники-представители религіи Синто, почитаються какъ государственные чиновники.

Въ классовомъ отношеніи айонцы раздѣляются на казoku—членовъ императорскаго дома и его потомковъ.

Казoku—родовая аристократія, нѣчто въ родѣ дворянства.

Сизoku—военные и служилые классы.

Хеминяи—низшія сословія: земледѣльцы, ремесленники и, послѣ всего, кушцы.

Въ глазахъ айонцевъ профессія кушца самая неблагозвучная, самая унижающая; айонцы питають рыцарское презрѣніе къ деньгамъ, къ торговлѣ и вообще напоминають средне-вѣковыхъ рыцарей.

Впрочемъ, въ послѣднее время, опять-таки подъ вліяніемъ европейскихъ воззрѣній, отношеніе къ купцамъ начинаетъ измѣняться, и были даже случаи, что нѣкоторые богатые люди получили доступъ въ палату господъ только за свое богатство.

Уже въѣтъ классовъ находится японскіе парни,—«эта»,—не имѣющие никакихъ правъ гражданства. «эта»—люди, занимающіеся какими-либо ремеслами, считающіеся въ Японіи почему-либо позорными, или изъ потомки.

«эта» не имѣють права входить въ домъ къ другимъ людямъ и могутъ только отъановиться у входа; если ему даютъ вѣтъ, то кладуть ризъ или другую вещь прямо на полъ. Ни одинъ представитель какого-либо сословія не возьметъ себя жены изъ класса «эта» и не отдастъ за него своей дочери. Съ уничтоженіемъ древнихъ сословій, конечно, юридическія и имѣлись и положеніе «эта», но традиціи еще не изгладились изъ сознания.

Вмѣсто нашихъ обращеній «вы» и «ты», у айонцевъ ихъ очень много, съ различными отбѣнками уваженія или презрѣнія и употребляются они смотря по тому, кто и съ кѣмъ говоритъ.

Въ общемъ, Японія—страна очень культурная, хотя и своеобразно. Совершенно неграмотныхъ людей въ Японіи нѣтъ, а неграмотными считаются только тѣ, кто не знаетъ китайскія грамоты.

Въ Японіи нельзя себѣ представить ни одной деревни, гдѣ не читались бы газеты; нѣтъ ни одного самаго маленькаго городка, въ которомъ газета не издъ валось-бы. Въ Японіи ихъ столько, особенно много въ Токио, который имѣеть 1.400.000 ж. телей и занимаетъ площадь, значительно превосходящую пло-

щадь Петербурга, так как в городѣ множество парковъ и садовъ.

Японцы—большие любители путешествій и, покоянив съ лѣтними полевыми работами, впадаютъ въ безделье, всякій крестьянинъ совершаетъ путешествие. Онъ посматриваетъ всѣ достопримѣчательности городовъ („мей-сѳѳ“), в. числѣ которыхъ въ Токио считается и наш соборъ; записываетъ въ книжечку свои наблюдения и впечатлѣнія, которыми по возвращеніи на родину дѣлитъ со своими домашними.

Они очень чистоплотны, и самый бѣдный японецъ считаетъ необходимымъ принимать ежедневно ванну. Температура японской ванны такова, что европеецъ не вынесъ бы ее и обварился, а японецъ ничего; ванна въ 35 градусовъ для него холодна.

Прѣхавъ въ гостиницу, путешественникъ прежде всего погружается въ ванну, которая дѣлается очень большой и служитъ не для одного, а для многихъ одновременно.

Особеннымъ вниманіемъ у японцевъ пользуются ихъ дѣти, которые получаютъ самое тщательное воспитаніе и уходъ; благодаря этому, дѣти японцевъ очень развиты, и мило видѣть этихъ изящныхъ, граціозныхъ малышей, когда они играютъ; изъ одного рѣзкаго движенія или слова вы отъ нихъ не увидите и не услышите. О розгахъ не имѣютъ понятія.

Судь въ Японіи вѣдены по образцу французскаго и ничѣмъ отъ него не отличается.

Медицина поставлена на европейскій образецъ и среди японцевъ много прекрасныхъ врачей; особенно хороши хирурги.

По словамъ посѣдившихъ миссію офицеровъ, японскія войска обучены и дисциплинированы очень хорошо, а особенно хорошо поставлена у нихъ мобилизационная часть и перевозка по желѣзнымъ дорогамъ.

Обладая поразительною способностью подражанія, японцы великолѣпно подмѣиваютъ все европейское, но только на первый взглядъ.

Такъ, напримеръ, они превосходно дѣлаютъ зонтики на подобіе европейскихъ; но стоить только зонтику немного поносить, и онъ уже разваливается.

Также и спички: коробка сдѣлана точь-въ-точь какъ европейская и спички тоже, только не разгораются.

Воспроизводить даже и русскую водку; даже смарновскій этикетъ во всѣхъ подробностяхъ совершенно одинаковъ съ настоящимъ, но сама водка нигуда не годится.

Сильный толчекъ въ развитіи Японіи сдѣлала японско-китайская война—послѣ войны Японія измѣнилась до неузнаваемости.

Во все-таки сказать, что Японіи предстоитъ будущее, нельзя, и не потому, что японцы на улицахъ одѣваются европейское платье, а дома сидятъ въ національныхъ костюмахъ, а потому, что у японца нѣтъ способности къ творчеству: копировать онъ копируетъ, а создать ничего не создаетъ.

Лучшимъ показателемъ жизненности служатъ конечно литература, а японскую литературу едва ли можно назвать и трехъ-классовой среди другихъ литературъ. Вся ихъ литература состоитъ изъ очень посредственныхъ историческихъ и военныхъ романовъ, не отличающихся оригинальностью.

Въ общемъ, отъ жизни въ Японіи остаются пріятныя впечатлѣнія.

Мемуары Яд. Ристори.

Извѣстно, что полковой командиръ Лермонтова, отечески журя молодого поэта за его поэтическіе грѣхи, не разъ говаривалъ ему, разводя руками:

— Ну, ваше ли дѣло писать стихи? Пред-

ставьте это настоящимъ поэтамъ и занимайтесь хорошенько командой своихъ заводомъ!

Извѣстно также, что знаменитый участникъ „Французской комедіи“ Провостъ, послѣ перваго ознакомленія со сценическими средствами Рашели, посовѣтовалъ ей отказаться отъ сцены.

— Идите, дитя мое, лучше продавать букеты: это будетъ для васъ гораздо лучше.

Какъ оказывается, жертвою такой же прощительности была и знаменитая Аделаида Ристори, мемуары которой, но новые теперь дѣла въ Италіи, но новые для насъ, только что вышли въ переводѣ на русскій языкъ. Когда 18-лѣтняя артистка, будущая знаменитость, впервые сыграла доверенную ей трудную роль Маріи Стюартъ—и съ значительнымъ уже успѣхомъ,—ея директоръ Мачера, патетическій вопросъ начинающей, доволенъ ли онъ ею, сдѣлалъ иронически-нисходящую гримасу и уронилъ:

— Послушай, моя милая, у тебя очень сильная склонность къ комедіи. Что же касается трагедіи, то—не сердись—это не твоё дѣло. Послушай моего совѣта и не прикасайся къ ней!..

Хорошо, что ни Лермонтовъ, ни Рашель, ни Ристори не послѣдовали мудрымъ совѣтамъ проницательныхъ Кассандръ: то спасло Россію большаго поэта, Франціи и Италіи великую артистку!

* * *

Русская публика, интересующаяся искусствомъ, съ нѣтъ, есмь прочтеть содержательныя записки Ристори. Это—полный отчетъ артистки о своей жизни, о томъ, какъ она, по ее собственному, хоть и не очень скромному выраженію, „старалась поддержать свое искусство во всѣхъ странахъ“ и „могучимъ выраженіемъ человѣческихъ страстей заставляла трепетать отъ волненія самыя разнообразныя народы“. Люди сцены оцѣняютъ въ мемуарахъ и еще одну, специальную сторону: нѣкоторыя страницы ихъ—положительно научныя лекціи по сценическому искусству, прочитанныя артисткою съ высоты своей міровой славы. Это—главы, цѣлкомъ посвященныя ея анализу ея коронныхъ ролей—„Маріи Стюартъ“, „Меден“, „Федры“, „Мири“, „Леди Макбетъ“ и т. п. Великая Ристори рассказываетъ, какъ она проникалась ролью, изучала ее, углублялась въ нее. Если для современной артистки такое изученіе и проникновеніе—нѣчто почти невозможное и недостижимое, ей, во всякомъ случаѣ, поучительно увидѣть воочию, какъ творили боги сцены, и чего имъ стоила затѣянная ими игра.

* * *

Точно какое-то фатальное предопредѣленіе къ будущему дѣлу жизни таготеетъ надъ большинствомъ великихъ людей. Большинство выдающихся артистовъ и артистокъ какимъ-то роковымъ образомъ связываются судьбою въ раннемъ дѣтствѣ со сценою. Не странно-ли: Ристори не было еще и трѣхъ мѣсяцевъ, когда директоръ ея родителей, — которому поволабилась грудаго ребенка для пьесы, заставилъ участвовать въ ней мать будущей знаменитости,—какъ извѣстно, скромную актрису,—вмѣстѣ съ новорожденнымъ младенцемъ. Крошку Аделаиду внесли на сцену, сиротаную въ корзинку съ фруктами. Хозяинъ долженъ былъ залочоваться плодами и... вдругъ, съ удивленіемъ, увидѣть здѣсь младенца.

Первый дебютъ Ристори нельзя назвать очень удачнымъ. Крошка сыграла, можно сказать, „не подъ свѣтера“. Проголодавшаяся, она подняла крикъ, прежде чѣмъ фермеръ принялъ въ свои руки корзинку съ плодъ ми. Актриса растерялась и потеряла реплики, а

будущая знаменитость, подъ смѣхъ публики, подняла такой крикъ, что только грудь матери могла ее успокоить.

* * *

Пасмѣшила Ристори и въ свой второй дебютъ, уже по третьему году. Изъ за ребенка долженъ былъ произойти на сценѣ конфликтъ между злымъ барономъ и его матерью. Тиранъ схватываетъ младенца и грозитъ его убить. Ристори такъ испугалась незнакомаго „дяди“, въ самомъ дѣлѣ повѣрила въ возможность своего убійства. Какъ бѣсенокъ, она отбавилась отъ злодѣя и такъ царапала его маленькими рученками, что онъ принужденъ былъ выпустить ее раньше времени. Съ крикомъ: „мама! мама!“—юная артистка побѣжала со сцены отъ своей матери по всѣмъ, улеская за собой ловившихъ ее актеровъ, и спряталась въ юбкихъ настоящей матери. При общемъ смѣхѣ пришлось опустить занавѣсъ...

* * *

Отецъ былъ актеръ. Мать—актриса. Естественно, что Ристори очень рано привыкла дышать атмосферой театра и считать его родною. Съ 12-ти лѣтъ она уже была ангажирована на роли дѣтей, а, благодаря высокому росту, играла и роли субретокъ. Уже очень рано чувствовалась въ ней темпераментъ настоящей, вдохновенной артистки. Ристори слывалась съ изображаемымъ персонажемъ до бездѣльности. Разъ, въ „Адриеннъ Лекуверрѣ“, она даже почувствовала головокруженіе отъ сильнаго напряженія нервовъ и четверть часа пролежала въ обморѣ.

Выходя въ 1847 году замужъ за маркиза Капраника дель-Грилло, Ристори совершила нѣкоторое насиліе надъ своей артистической душой. Ей всегда казалось, что семейныя обязанности плохо совмѣстимы съ ея искусствомъ. Какъ извѣстно, на нѣкоторое время она даже совсемъ покинула сцену. Не одни семейныя обязанности, материнство и чванство мужниной семьи склоняли къ этому Ристори. Подъ ея расказомъ встаетъ дѣйствительно малоприятная картина положенія тогдашней королевскій сардинскій труппы. Любопытны станицы ея мемуаровъ, повѣствующихъ, въ какой упалошь пришелъ тогдашній театръ и какіе курьезы случались съ тогдашней австрійской и церковной цензурой.

* * *

„Патріотическіе сюжеты,—рассказываетъ Ристори,—были тогда совершенно запрещены. Правительстве понималась самымъ фантасматическимъ образомъ. Пересмотрѣнная и исправленная пьеса дѣлалась безмысленными и теряла всякій интересъ. Духовная цензура вносила въ произведенія измѣненія, часто смѣшныя до грубости. Не позволялось произносить слово: Богъ, ангелъ, дьяволъ; актеръ не могъ называться по роли именами: Пій, Іоаннъ, Григорій, Иннокентій—только потому, что это были имена извѣстныхъ папъ. На слово отечество смотрѣли, какъ на святотатство. Однажды принесли въ цензурную драму, главную роль въ которой принадлежала нѣкому. По одной ремаркѣ актеръ долженъ былъ жестами выразить радость, которую онъ испытываетъ, возвратившись въ свою отчизну. Цензоръ вычеркнулъ въ ремаркѣ (!) слово отчизна и замѣнилъ его словомъ страна, какъ будто жесты могли отгнать эту рашину!

Въ другой разъ въ Римѣ играли Макбета. Одна пѣзъ вѣдѣтъ говорить: „вотъ падець мороза, похибнато во время кораблекрушенія“. Цензура зачеркнула всю фразу. Удивленному директору труппы отвѣтили, что публика можетъ здѣсь увидѣть и мѣтъ на

Свиту Его Величества
контр-адмиралъ Рожественскій,
назначенный начальникомъ 2-ой эскадры флота
Тихого океана.

Батальонъ, командиръ 11-го вост.-сибирск. полка,
подполковникъ И. А. Дометти,
убитый на Ялу въ сраженіи 18-го апрѣля.

Поручикъ 13-го сибирскаго стрѣльковаго полка,
В. А. Демидовичъ,
убитый на Ялу 12-го апрѣля.

Штабъ арміи, расположенной въ Цинкоу, осматриваетъ морской берегъ.

Офицеры русскаго стрѣда осматриваютъ позиціи у Кай-чжоу.
Съ фотографій штабъ-ротмистра Карпова, присланныхъ нашими военнымъ корреспондентами.

Городъ Тензанъ, на Восточномъ берегу Кореи.

ладью св. Петра, которой превратность вре-
 мей грозитъ потопленіемъ.

Оперный либретто уважались не болѣе,
 чѣмъ драматическія рукописи. Вѣсь Римъ за-

пятильность цензора, и онъ замѣнилъ его
 словомъ гармоничный. Вѣсь театр
 расхохотался, а на другой день, на улицѣ
 Ангельскихъ воротъ какой-то злой шутникъ

Сардинскіе блюстители нравовъ, какъ вид-
 но, могли бы свободно конкурировать съ
 нашими строгими Катовами времени Павла
 I-го, вымарывавшими „вольный духъ“ дажѣ

Японское транспортное судно „Кинчю-мару“, потопленное нашей владивостокской эскадрой близъ Тензана, 10-го апрѣля.

Съ фотографіи П. Ф. Лобза, снятой у береговъ Кореи.

бавлялся искаженіемъ романа Луизы Мил-
 леръ въ оперѣ Верди. Въ фразѣ: „она говори-
 ла ангельскимъ голосомъ: я люблю только тебя
 одного!“ слово ангельскій возбудило ще-

измѣнилъ въ томъ же смыслѣ уличную над-
 писъ, которая вѣлозь до прибытія полиціи
 гласила: улица Гармоничныхъ воротъ.“

* * *

въ поваженныя книгахъ, или знамени-
 тымъ цензоромъ Александровской эпохи
 Красовскимъ, вычеркивавшимъ „небесная
 улыбки“ двѣ, подѣ тѣмъ предлогахъ, что

Японская артиллерія въ окрестностяхъ Ялу.

неприлично думать о дѣвкахъ на первой дѣлѣ поста.

* * *

Большой интерес представляютъ отношенія Ристори къ Рашели. Мемуары утверждаютъ, что в аги востеки старались посорить гениальнѣхъ артистокъ, выставя одну передъ другою заиспанцею и соперницею. Лицо Ристори поддерживать всюду свое преклоненіе предъ „великою Рашелью“ и свое искреннее къ ней доброжелательство. Любопытная подробность: однажды Ристори не пренебрегла мѣстомъ въ райкѣ, чтобы посмотреть Рашель въ одной изъ ея лучшійхъ ролей. „Хотя подобный входъ въ домъ Мольера,—пронизируетъ артистка,—и не очень льститъ моему самолюбию, но дѣлать было нечего. Мы, сбѣясь, поднялись на пятый этажъ... Очевидно, велико было у нея желаніе посмотреть столь прославленную соперницу!..

Похуже на то, что великія современницы не хотѣли одна передъ другою поступиться тщеславіемъ, и каждая ждала перваго поклона отъ другой. Признаніе Рашели гениальною, вдохновенною, удивительною, явно засвидѣтельствованное въ мемуарахъ, не склонило, однако, Ристори на первый шагъ.

* * *

„Я была въ отчаяніи,—пишетъ Ристори,—узнать отъ нашихъ друзей, что всѣ ихъ попытки познакомиться насъ не имѣли успѣха изъ-за интригъ поклонниковъ Рашели. Рашель убѣждала, что я враждебно отношусь о ней, мнѣ же говорили, что она, завидуя моимъ успѣхамъ, неблагоприятно отзывается обо мнѣ. Мнѣ даже рассказывали, что, пожелавъ во что бы то ни стало присутствовать на представленіи „Мирра“, она, чтобы быть незамѣченной, отправилась въ театръ передо мной и срывалась въ глумливѣ ложи, а послѣ 4-го акта, когда публика разразилась аплодисментами, она разорвала либретто, которое держала въ рукахъ, и воскликнула: „не могу больше ни видѣть, ни переносить этой женщины“. Кавалеръ, сопровождавшій ее, лицо довольно известное въ Парижѣ, всѣми силами старался ее успокоить и уговорить остаться, но она ушла изъ театра въ сильномъ гнѣвѣ. Я не повѣрила этой исторіи, и мнѣ такъ хотѣлось внушить друзьямъ великой артистки единственное средство: ее успокоить, доказавъ ей, что ея колоссальный талантъ ставитъ ее выше извѣщившихъ, часто неосновательныхъ увѣщаній публики, и что, несмотря на мой несомнѣнный успѣхъ, при ней остается все могущество ея гениа“.

* * *

Однако, когда Рашель заслала къ соперницѣ своего парламента, Ристоринѣ соблаговолила первая сойти съ своего пьедестала. Знаменитая модистка императрицы Евгении, г-жа Одъ, прѣѣхала къ Ристори и объявила о своей мисси.

— Вы, конечно, знаете,—сказала она,—какъ тяжелы были для m-elle Рашель тѣ нападки, незвольной причиною которыхъ были вы. Но вамъ, можетъ быть, неизвѣстно, что ее вѣсело старались воззвратить противъ васъ, передавая ей, что вы отзывались о ней не съ тѣмъ уваженіемъ, на которое она была въ правѣ рассчитывать.

— Неправда!—возразила Ристори,—я думаю, что m-elle не слушаетъ всѣхъ этихъ слуховъ, какъ и я—рассказываю о ея доброжелательныхъ обо мнѣ отзывахъ. Я видѣла ее въ пьесѣ „Гораций“ и просила дружъ передать ей мой восторгъ и мое горячее желаніе съ ней познакомиться, но всѣ ихъ старанія не урѣчались успѣхомъ.

— А между тѣмъ m-elle Рашель очень желала васъ видѣть.

— Такъ пусть она прѣѣдетъ! — Я приму ее съ распростертыми объятіями.

Но Одъ холодно приняла это заявленіе и дала мнѣ понять, что Ристори должна была первая ѣхать къ Рашель, тогда Ристори сказала:

— Я не хочу больше утруждать моихъ друзей, которые достаточно хлопотали о нашемъ знакомствѣ, когда я только что прѣѣхала въ Парижъ, и когда мнѣ такъ нужна была ея поддержка въ моемъ опасномъ предпріятіи. Теперь это время прошло.

— А если m-elle Рашель пришлетъ вамъ ложу на свой спектакль?

— Я пошу за счастье принять ея приглашеніе.

На другой день Ристори получила билетъ на ложу въ Comédie Française: „Госпожѣ Ристори—ея товарищъ, Рашель“.

И здѣсь, однако, не состоялась встрѣча двухъ артистокъ. Ристори была восхищена, но... не снисзола до того, чтобы зайти къ Рашель за кулисы, что было очень просто. Она ограничилась только запискою. Въ 4-мъ актѣ,—читаемъ въ мемуарахъ,—Рашель была такъ велика, что я отъ всей души пожалѣла, что могла выразить свое восхищеніе и охватившее меня волненіе только аплодисментами; но едва опустила занавѣсъ, я поспѣшила написать на своей визитной карточкѣ нѣсколько словъ, и извѣвъ въ нихъ чувства моего переполненнаго восторгомъ сердца артистки и послала ей въ уборную. Послалъ этой карточки кончатся наши съ ней отношенія.

* * *

Гастроли Ристори по Старому и Новому свѣту — своего рода триумфальное шествіе черезъ весь міръ.

Въ 1857 г. Ристори появилась въ Неаполѣ. Всѣ мѣста были разобраны еще за нѣсколько дней, театръ переполненъ. „Я знала, что въ честь меня была приготовлена кантата. Я была внѣ себя отъ радости и восторга въ этой праздничной атмосферѣ и истолковою вольнована, что въ извѣстномъ мѣстѣ Федры, потерявъ глазокъ, вмѣсто того, чтобы упасть назадъ, бросилась на рампу. Въ залѣ произошло страшное смѣтеніе; одинъ молодой человѣкъ, перепрыгнувъ черезъ оркестръ, поспѣшилъ мнѣ на помощь, и ему удалось, послѣ страшнаго упрямія, отбросить меня назадъ. Благодаря ему, я не была совершенно изуродована: я навѣрно сгорѣла бы, если бы театръ былъ освѣщенъ газомъ, а не масломъ. Меня перенесли въ уборную, гдѣ констатировали, что стекломъ отъ лампы глубоко поранили мнѣ правую руку. Слеза скоро наполнилась толпою, безпокойшеюся и ошѣдлившеюся о моемъ здоровьи“.

Въ 1859 г., въ Амстердамѣ, артистка, ричитывавшая встрѣти только холодное вниманіе холодныхъ голландцевъ, была поражена общими энтузіазмомъ.

Болѣе 20 тысячъ гражданъ всѣхъ сословій приняли участіе въ оваціяхъ. Ассоціація рабочихъ, художниковъ, предшествуемая знаменами, открывали шествіе вмѣстѣ со студентами. Кортѣжъ пронѣлъ передъ окнами Ристори, приветствуя ее радостными кликами. Улица была освѣщена тысячами факеловъ и бенгальскими огнями. Стечение народа было такъ велико, что многихъ столкнули въ каналъ; къ счастью, всѣхъ ихъ спасли.

Король, когда ему описали, какъ все это происходило, сказалъ:

— Для революціи этого слишкомъ мало, а для овацій слишкомъ много.

* * *

Русскій читатель съ особеннымъ интересомъ прочтетъ впечатлѣнія итальянской зна-

менитости, вынесенныя изъ поствѣнія Петербурга и Москвы. Это было въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ.

„Въ декабрѣ,—пишетъ Ристори,—я отправилась сначала въ С.-Петербургъ, потомъ въ Москву. На слѣдующій годъ я опять вернулась въ оба эти города. У меня сохранились самая сердечныя воспоминанія объ этомъ періодѣ моей артистической жизни. Петербургъ, полный „всесильныхъ очарований“, никогда не изгладится изъ моей памяти, особенно благодаря тѣмъ извѣщеніемъ симпатіи, которыя я получила со всѣхъ сторонъ. Дворъ не могъ быть въ театрѣ по причинѣ семейнаго траура, но Императоръ и Императрица пожелали меня слышать и приказали пригласить меня на вечеръ въ Зимнемъ дворцѣ. Я должна была продекламировать передъ ними сцену изъ III акта „Маріи Стюартъ“. Никогда не забуду милого пріема.

Энтузіазмъ, съ которымъ я была встрѣчена этой сѣверной націей, пріятно удивилъ меня; особенно silentъ онъ былъ въ Москвѣ, гдѣ пылка, увлекajoщая университетская молодежь имѣла оживляющее вліяніе на общество.

Между подарками отъ публики, привезенными мною изъ путешествій, у меня свято хранится скромный браслетъ, подаренный мнѣ московскими студентами: это—золотой обручъ съ аметистовымъ шаромъ, на которомъ сдѣлана звезда изъ брилліантовъ, должствующая изображать, какъ мнѣ сказали, звѣзду искусства. Это былъ трогательный подарокъ, тѣмъ болѣе, что учащася молодежь въ Россіи вовсе не принадлежить къ богатымъ классамъ и не имѣетъ привычки подносить драгоценности. Въ утро моего отъѣзда толпа студентовъ собралась на вокзалѣ. Они окружили меня, какъ только я вышла изъ кареты, и почти донесли на рукахъ до вагона, куда мое семейство добралось съ трудомъ, противившаяся черезъ толпу. Наше купе вплоть до момента отъѣзда представляло какую-то фабрику автографовъ. Раздался уже свистокъ локомотива, а мнѣ все еще протягивали вырванные изъ записныхъ книжекъ листы, листы газетъ, проса написать мое имя“.

* * *

Позднѣ артистка, возвращаясь изъ дунайскихъ княжествъ, прѣѣхала черезъ Кишиневъ, Одессу, Кіевъ. Курьезенъ рассказъ о тревогѣ артистки во время остановки въ Кишиневѣ. Ночью въ гостиницѣ разыгрался скандалъ. Одна изъ сосѣдокъ, полудѣлая, взволнованная, подыала страшный крикъ въ коридорѣ. Выскочили слугинки великой артистки, съ готовностью, конечно, заступиться за блѣдную женщину. Но блѣдная женщина ничуть не нуждалась въ чужой помощи и грубо закричала на иностранцевъ:

— Чего вамъ нужно? Зачѣмъ вы суетесь не въ свои дѣла? Мой мужъ имѣетъ полное право бить меня, если ему угодно!

Это была, такимъ образомъ, всего лишь картина русскійхъ нравовъ, очень привычная для обитательницъ Кишинева, но диковина яя для итальянской артистки, воспитанной въ иныхъ условіяхъ.

Одна изъ немногихъ знаменитостей, Ристори евершила путешествіе даже вокругъ свѣта. Легко сказать,—она побывала въ Рио-де-Жанейро, Буэнос-Айресѣ, Монтевидео, Вальпараисо, Сантъ-Яго, Лимѣ, Гаваннѣ, Мексикѣ, Веракрусѣ, Нью-Йоркѣ, на Сандвичевыхъ островахъ и т. д. и т. д. Почтительный примѣръ безавѣтной преданности любимому искусству и огромной, неутомимой энергіи, соединенной съ рѣдкимъ и могучимъ даромъ вліянія на сердца!..

Смерть великихъ мира сего.

Великіе люди мира сего отличаются иногда извѣтными странностями. Риншель, напримѣръ, особенно любилъ кошекъ. Онъ всегда былъ съ нимъ за однимъ столомъ и должны были пробовать всё блюдо, не исключая и тѣхъ, которыя при- сматривались къ королевской кухни. Людовикъ VII особенно любилъ удостоивать маленькими любезностями своего великаго государственнаго человека. Но къ своимъ подаркамъ онъ всегда прилагалъ маленькую записочку страннаго содержания, вродѣ слѣдующей: „Посылаю вамъ око- рокъ кабана, писанъ онъ 15 декабря 1635 г., но прошу васъ прежде, чѣмъ его отвѣ- дать, дать попробовать кому-нибудь дру- гому“. Риншель, имѣвшій въ числѣ своихъ враговъ королеву-мать, брата короля и могущественную партію двоюродн. жиль въ постоянномъ страхѣ былъ отравлен- нымъ. Кошки же, какъ извѣстно, очень подозрительныя животныя.—онъ не ста- нутъ ѣсть, хотя бы изъ самыхъ любими- выхъ рукъ, разв только пища покажется имъ подозрительной. Такимъ образомъ, эти маленькія животныя спасли отъ смерти великаго канцлера Франціи.

Италія, породившая Луккекия и Казеріо, была вѣкогда родиной королей Франціи и отравителей. Искусство убивать тайнымъ ядомъ, не безъ основанія, называлось „флорентинскимъ“ (l'art florentin). Мать короля Людовика XIII, Марія Медичи, происходила изъ семьи, давшей самыхъ ужаснѣйшихъ преступниковъ. Когда ей отецъ, великій герцогъ Францискъ II Медичи Тосканскій, вступилъ въ 1587 г. во второй бракъ съ Бланкой Капелло, онъ примирился со своимъ братомъ кардина- ломъ Фердинандомъ Медичи, съ кото- рымъ раньше находился во враждѣ. Два дня спустя послѣ примирительнаго обѣ- да у кардинала, молодые умерли. Мнѣніи по поводу этой смерти расходятся. Одни утверждали, что кардиналъ Фердинандъ отравилъ своего брата и свою невѣстку; другіе говорили, что великій герцогъ и жена его по ошибкѣ сами приняли тотъ ядъ, который они приготовили для кар- динала. Искусства, провѣтвѣвшія въ особіе благоволеніемъ, свидѣтельство- вали, съ одной стороны, о ихъ любви къ прекрасному, а съ другой стороны,—мо- жетъ быть, о ихъ тщеславіи, маніи величія выскочекъ и также чрезвычайной ловкости въ желаніи обмануть потом- ковъ. Марія Медичи была дочерью, вич- кой, племянницей и двоюродной сестрой убійцы, и подозрѣнія, что она посылала на жизнь своего сына и кардинала, впослед- ствіи вполне подтвердились.

Отравители, прибывшіе во Францію въ свѣтъ Маріи Медичи, знали, какіе яды содержатся въ минералахъ и жидкостяхъ, въ растеніяхъ и животныихъ организмахъ. Они добывали эти яды въ крови умираю- щихъ или убитыхъ животныихъ, въ особен- ности свиней и жабъ, даже въ крови людей, находящихся въ предсмертной агоніи и разлагающихся труповъ. Но ни- когда эти яды не употреблялись въ чи- стомъ видѣ, какъ ихъ можно теперь най- ти въ любящихъ лабораторіяхъ и аптекахъ, но всегда въ различныхъ смѣшеніяхъ, такъ что врачи того времени, стоящие далеко не на высотѣ своего положенія, вслѣдствіе разнообразія ядовъ и разно- образія ихъ дѣйствія на человѣческой организмъ, не могли разузнать причины смерти ни во время хода болѣзни, ни при анатомірованіи. Если что тогда и отраждало здоровье и жизнь безчислен- ныхъ лицъ, то только суетверіе людей, обвинявшихъ волшебниковъ и чароѣевъ въ сношеніяхъ съ сатаной и предавав- шихъ ихъ за это сожженію на кострѣ. Въ эти волшебники и колдуны были са- мые обыкновенные отравители. И то, что

теперь намъ кажется варварствомъ, было, можетъ быть, простою защитою общества отъ грозившей опасности.

Презкій образъ жизни благопріятство- вать дѣятельности отравителей. Тогда очень любило пріяныя блюда и напитки. Вино пили не въ чистомъ видѣ, а под- слащенное, или съ примѣсью соли, или съ разными пріяностями, даже пополамъ съ пивомъ или съ водкой. Жаркія гото- вились безъ соли, которая была слиш- комъ дорога, но зато обливались различ- ными соусами (sauces jaunes, vertes ou samelines), имѣвшимися въ готовомъ ви- дѣ въ продажѣ. Хлѣбъ былъ не такой, какъ теперь; это были широкія, плоскія, жесткія, неудобоваримыя лепешки, кото- рыя во время ѣды сначала исполняли роль тарелокъ и только послѣ того, какъ онъ въ достаточной мѣрѣ пропитывался соусами жаркихъ и сокомъ овошей, онъ съѣдался, какъ отдѣльное блюдо. Мука была нечистая и скверная; хлѣбъ вмѣсто соли былъ сильно одобренъ толченымъ анисомъ. Ясно, что къ такимъ кушаньямъ и напиткамъ легко было примѣшивать ядъ, который иначе можно было бы узнать по вкусу и по запаху. Впрочемъ, людей отравляла не только въ кушаньяхъ и на- питкахъ, но и другимъ способомъ; очень часто отравляли на тотъ свѣтъ безпос- редствомъ отравленнаго бѣлья. Если, напри- мѣръ, женѣ надобѣлъ мужъ, то она ему подавала рубашку, мѣстамъ совершенно незаметно намазанную мазью. У мужа по всему тѣлу появлялась сыпь, которая скоро превращалась въ гноящіеся раны. Разумѣется, раны эти приписывались сейчасъ же какимъ нибудь тайнымъ бол- лѣзненнымъ, и несчастному мужу давали столько меркуріальныхъ и мышьяковитыхъ средствъ, что бѣдняга отравлялся на тотъ свѣтъ, а счастливая жена отда- вала свою руку другому.

Тогдашніе отравители предоставляли своимъ клиентамъ не только богатый вы- боръ различныхъ ядовъ, но даже прини- мали заказы на сроки. Они умѣли убить человѣка моментально или медленно, смотря по требованію. Они прямо брали на себя обязательства убивать въ извѣст- ный срокъ; такія медленныя отравленія назывались: „Empoisonnementes à date fixe“ или „Morts à échéance“. Урбенъ Грандье, духовника монастыря Людуэнъ, былъ обвиненъ, по иніціативѣ Риншель, въ колдовствѣ, и какъ онъ смѣлны были возведенныя на него обвиненія, онъ былъ осужденъ и сожженъ на кострѣ. На ко- стрѣ, какъ объявили его друзья, онъ пред- казалъ своимъ судьямъ смерть и точно описалъ, въ какихъ мученіяхъ они сконча- ются. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого отецъ Локтансъ Габріель, первый судья Грандье, сталъ страдать страшныи припадками безумія. Вскорѣ же онъ лишился зрѣнія, памяти и разсудка. Онъ страдалъ маніей преслѣдованія и страш- ными болями въ груди. Урбенъ Грандье былъ осужденъ 8-го августа 1634 года, а 18-го сентября того-же года умеръ въ не- выносимыхъ мученіяхъ отецъ Локтансъ. Такая же ужасная участь постигла и вто- рого его судью. Какъ только онъ взлезъ на кафедру, онъ лишился разсудка и вмѣсто проповѣди сталъ испускать ужас- ные стоны отъ боли. Съ крикомъ, съ про- клятіями, съ безумнымъ хохотомъ, высу- щивъ языкъ, ползалъ на четверенькахъ день и ночь монахъ, пока смерть не по- ложила конецъ его страданіямъ. Какъ доказываютъ многіе ученые, оба судьи Грандье, очевидно, были отравлены его друзьями особымъ растительнымъ ядомъ, добываемымъ изъ белладонны, блены, анемона и аконита. Послѣдствіемъ прія- тия этого яда, легко примѣняемаго какъ кушаньямъ, въ зависимости отъ коли- чества, могло быть легкое нездоровье, разстройство органическихъ функций или ужасныя страданія и даже смерть. Та- кимъ образомъ, судьба жертвъ была со-

вершенно въ рукахъ убійцы, и всецѣло зависѣло отъ его желанія прекратить эти страданія смертью, или продолжить. Же- стокость отравительной доходила до того, что предвратительными средствами они медленно разрушали слизистую оболочку пищеварительныхъ органовъ и такимъ образомъ подготовляли къ принятію яда.

Чѣмъ выше было общественное положе- нія какого-нибудь лица, тѣмъ чаще онъ подвергался покушеніямъ тайныхъ убійцъ. Кардиналъ Риншель, такъ хоро- ло защищаемый своими кошками, умеръ отъ воспаления легкихъ и подребер- ной плевы, слѣдствительно естественной смертью. Но что Марія Медичи, которая по официальнымъ документамъ умерла въ изгнаніи въ Кельнѣ отъ горя, на са- момъ дѣлѣ была отравлена, доказы- ваютъ отчеты врачей и протоколъ вскрытія ея трупа. Слухъ о томъ, что Риншель былъ виновникомъ ея смерти, не нашелъ подтвержденія. Роландъ, врачъ, посланный Людовикомъ XIII къ тяжело заболѣвшей матери, 1 июля 1642 года сказалъ, что ей осталось недолго жить и что необходимо ампутировать воспаленную ногу. Уже были сдѣланы всѣ приготовления для ампутаціи, какъ вдругъ появились призна- ки отравленія. Марія Медичи позва- ла духовника, исповѣдалась, причасти- лась и умерла 3 июля. Полагаютъ, что ко- ролева отравилась сама изъ страха перелъ ампутаціей, которая въ тѣ времена, при отсутствіи анестезирующихъ средствъ, должна была быть очень болѣзненна. Ядъ, который она приняла, очевидно былъ секретный ядъ Медичисовъ, такъ какъ установить его характеръ не удалось.

Почтенная исторія болѣзни Людови- ка XIII. Съ ранней юности къ королю при- ставлены были врачи, которые великиню о всѣхъ его заболѣваніяхъ, о всякой пищѣ, которую онъ принималъ, однимъ словомъ, обо всемъ, что касалось его физической жизни. По этимъ книгамъ ученый историкъ Массонъ, къ тому же и врачъ, при- ходитъ къ заключенію, что общеприня- тое мнѣніе о томъ, что Людовикъ XIII умеръ отъ легочной болѣзни, совершенно ошибочно, такъ какъ король никогда легкими не страдалъ. Чахоточная лихорадка, отъ которой онъ будто бы умеръ, и которую считали результатомъ легоч- ной болѣзни, была скорый слѣдствіемъ мышьяка, введеннаго ему путемъ „lave- ment“. Историческія розысканія подтвер- ждаютъ мнѣнія Массона. Мать его, Марія Медичи, братъ его, Гастонъ д'Орманъ, и его супруга, Анна Австрійская, устраи- вали нѣсколько разъ заговоры противъ короля, которые приходилось подавлять вооруженной силой. Вообще, дѣлались неоднократныя попытки отравить коро- ля, которые не удавались только потому, что давались недостаточныя дозы яда. Всякій разъ, когда король бывалъ вдали отъ Парижа и отъ своихъ ближайшихъ родственниковъ, здоровье его поправля- лось. Никогда, говорилъ самъ король, не чувствовалъ онъ себя такъ хорошо, какъ въ то время, когда мать его была въ изгнаніи, а всѣ родственники въ темни- цѣ. Насколько король заботился о здо- ровьѣ Риншель, настолько усердно и по- слѣдній заботился о здоровьѣ своего по- ведителя. Развѣ не удивительно, что кор- оль умеръ черезъ пять мѣсяцевъ послѣ смерти своего вѣрнаго слуги? Подобно Генриху IV, покойнишему двн свои отъ князяда Равальяка, Людовикъ XIII тоже наслѣдовалъ регента и канцлеръ,—по- жираемые неслыханнымъ властолюбіемъ, которые конечно употребляли всѣ свои силы на устраненіе всѣхъ пріятелей въ пути къ власти. Научныя изслѣдованія протокола о вскрытіи тѣла короля под- тверждаютъ обвиненіе Массона, что кор- оль былъ отравленъ.

Но еще и другія, такъ сказать, статисти- ческія данныя подтверждаютъ спра- ведливость этого мнѣнія. Во времена

Мавръ Жокай,
известный венгерский романистъ
(† 23-го апрѣля).

владычества Меровинговъ каждыя сорокъ лѣтъ, а во времена Каролинговъ каждыя 33 года убивали одного короля. Изъ пятнадцати королей изъ дома Капетовъ, владѣвшихъ французскими тронами на протяжении трехъ столѣтій, умерло девять при такихъ обстоятельствахъ, которыя указываютъ на предательское убийство; изъ дома Валуа тоже многие умерли загадочнымъ образомъ, а Генрихъ IV, отецъ Людовика XIII, умеръ, какъ известно, отъ кинжала убійцы. Послѣ убийства президента Кэрро въ короткое время пали жертвами убійцъ императрица австрійская, король итальянскій, президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Макъ Кинлей.

Нынѣ царствующій турецкій султанъ,

Православный соборъ въ Токио.

Копія съ гравюры, исполненной японскимъ художникомъ, изданной японскими рабочими, строителями собора и принадлежащей ректору Спб. духовной академіи епископу ямбургскому Сергію. Вверху по-китайски написано: „Великой японской православной церкви главная квартира. Архіерейскій домъ. Воскресенскій храмъ и внутренность двора“. Внизу—время, употребленное на постройку и измѣренія.

Абдуль Гамидъ безумно боится быть убитымъ. Даже лѣкарства, которыя ему даетъ принимать его лейбъ-медикъ, подвергаются предварительно химическому изслѣдованію и даются служителю раньше, чѣмъ приметъ самъ султанъ. Всѣ убійства и покушенія на коронованныхъ особъ тщательно замалчиваются или замаскировываются. Послѣ смерти Макъ-Кинлея въ турецкихъ газетахъ было напечатано: „Президентъ при посѣщеніи

выставки внезапно умеръ отъ прилива крови къ мозгу“. О смерти короля Гумберта сообщалось такъ: „Итальянскій король внезапно умеръ, кланаясь народу“. Извѣстіе о смерти персидскаго шаха поражаетъ своей простотой и ясностью: „Въ теченіе дня шахъ вдругъ почувствовалъ себя душно, вследствие чего его тѣло было перевезено въ Тегеранъ.“

Привалъ 14-го пѣхотнаго полка японцевъ на пути къ Ялу.

Съ фотографіи корпъ спонсента.